

Бай Ван только подошел к подножию горы Цинсюй, как почувствовал едва уловимое движение духовной энергии. У подножия раскинулся городок среднего размера, на первый взгляд ничем не примечательный, но на деле населенный исключительно послушниками и служителями секты Цинсюй Цзюся. Посторонним здесь селиться было запрещено.

Вдоль улиц зазывали покупателей торговцы снедью, повсюду сновали люди, выпытывающие, как попасть в секту. Когда один из лавочников заметил Инь Хуайсяня, он поспешно отвесил поклон, на что тот лишь слегка кивнул в ответ.

Миновав городок и перейдя через ручей, путники оказались перед безмолвно возвышающейся горой Цинсюй. Вершина ее, окутанная дымкой, выглядела величественно и отрешенно.

Взгляд Бай Вана уперся в единственную дорогу наверх.

Девятьсот девяносто девять каменных ступеней.

Первое испытание для тех, кто жаждал приобщиться к даосскому пути в секте Цинсюй Цзюся.

Испытание на упорство, терпение и решимость.

Лишь пройдя этот путь до конца, можно достичь цели.

Но в прошлой жизни Бай Ван всегда поднимался на мече! Никогда не ходил пешком! Ни разу!

В этой жизни, раз летать нельзя, придется ползти?

Да от такого подъема дух вон выйдет еще на полпути!

— Я... пожалуй, пойду в другую секту, до встречи, — Бай Ван бросил взгляд на бесконечную лестницу, сглотнул и, развернувшись, припустил прочь.

Инь Хуайсянь, будто предвидя это, ухватил его за шиворот и рывком вернул на место. Раздался мелодичный звон — это Инь Хуайсянь вытянул из ножен свой меч.

Бай Ван, решив, что тот в сердцах собрался его зарубить, поспешно закрыл голову руками. Однако вместо удара он почувствовал легкость, а открыв глаза, обнаружил, что летит на мече вместе с Инь Хуайсянем.

Вскоре показались изысканные павильоны, террасы у воды и тихие книжные обитатели, затерянные на склоне горы. Там группы юношей усердно занимались чтением или тренировались с мечами. Это было место, где отдыхали и совершенствовались ученики секты Цзюся Цинсюй.

— Ладно, опусти меня, пойдем проверять кости, эй, погоди! Мы все еще поднимаемся? Это же нарушение правил! — Бай Ван встревожился, заметив, что Инь Хуайсянь не собирается останавливаться.

Выше, почти у самой вершины, жили трое наставников секты и несколько десятков их личных учеников. Это было сердце секты Цинсуй Цзюсяо.

В таких крупных сектах иерархия строга до предела. Служители обитали у подножия, рядовые ученики — на склоне. И только те, кто был отобран в личные ученики к трем наставникам, жили на вершине.

И только личные ученики с вершины имели право украсить свои ножны уникальным узором инея и снега, символом секты.

Согласно правилам, прежде чем стать личным учеником, нужно было пройти путь рядового послушника, а посторонним вход на вершину был строжайше запрещен.

Инь Хуайсянь привел его прямо на вершину — это же прямое нарушение! Их наверняка вышвырнут отсюда!

Бай Ван ворчал про себя, но тревога быстро улетучилась.

Здесь всё было до боли знакомо. Каждая травинка, каждый лепесток — ничем не отличались от того, что он помнил по прошлой жизни.

Тогда он пришел в секту восьмилетним мальчишкой, в десять стал личным учеником, а в двенадцать — последователем Цюнфан-цзюня.

В той жизни секта Цинсуй Цзюсяо стала для него домом.

И даже в конце, когда он прошел через муки плоти и костей, он ни о чем не жалел.

Память — странная штука. То, что годами лежит в глубине души, не всплывая на поверхность, стоит лишь оказаться в знакомом месте или увидеть знакомых людей, прорастает, как бамбук после дождя. И вот уже образы заполняют разум, напоминая о том, что здесь когда-то произошло.

Как же это греет душу.

Бай Ван спрыгнул с меча Инь Хуайсяня и твердо встал на ноги. Перед ним возвышался камень в человеческий рост, на котором были высечены пять изящных иероглифов: Секта Цинсуй Цзюсяо.

Бай Ван не удержался и провел рукой по камню. В прошлой жизни этот камень разлетелся на куски, интересно, установили ли они новый после его смерти?

— Старший брат.

Пока Бай Ван пребывал в задумчивости, до его слуха донесся мягкий, нежный голос. Словно из прошлой жизни, отозвалось эхо. Бай Ван резко поднял голову.

Это была она.

Девушка стояла недалеко от камня, одетая в белые одежды, украшенные вышивкой с живым карпом. Ее взгляд был ясен, черты лица — тонки и благородны, без тени кокетства. Узкий меч висел на тонком поясе, а осанка была безупречно прямой.

Цю Хуапин, старшая личная ученица заместителя наставника Чэньшу. В прошлой жизни все ученики секты, кроме Бай Вана, почтительно называли ее старшей сестрой. Только Бай Ван называл ее младшей сестрой.

И только Бай Ван был для нее старшим братом.

Поэтому, услышав это обращение, Бай Ван на мгновение решил, что она зовет именно его.

Цю Хуапин молча смотрела на него, но вскоре перевела взгляд на Инь Хуайсяня:

— Старший брат, ты вернулся. Наставники давно тебя ждут.

— М-м, — отозвался Инь Хуайсянь. — Я сейчас приду.

О-о-о-о!!!

Что?!

Бай Ван остолбенел, глядя на Инь Хуайсяня.

Черт возьми.

Он понимал, что Инь Хуайсянь в этой жизни — личный ученик секты, но чтобы Цю Хуапин называла его старшим братом?

Его?!

— Ты... ты главный старший брат секты Цинской Цзюся? Единственный личный ученик Цюнфан-цзюня? Это... это правда? Правда?! — Бай Ван вытаращил глаза, глядя на Инь Хуайсяня с выражением крайнего изумления.

— М-м, — Инь Хуайсянь бросил на него короткий взгляд и ответил сухо.

Ого, значит, все титулы и достижения, что были у него в прошлой жизни, теперь достались Инь Хуайсяню?

Неужели!

В этой жизни!

Он!

И есть!

Тот самый!

Главный герой!

— У тебя небесный корень мудрости? — снова спросил Бай Ван.

В прошлой жизни он сам обладал небесным корнем, редчайшим даром, благодаря которому путь совершенствования был для него словно прогулка по ровной дороге. Это была одна из причин, почему он стал первым среди учеников.

— Двойной небесный корень, — ответил Инь Хуайсянь, не меняясь в лице.

Да чтоб тебя!

Двойной... двойной...

Мамочки, Бай Ван едва не бросился обнимать ноги Инь Хуайсяня с мольбой: «Главный герой, прикрой меня! Очень прошу!»

— Старший брат, — снова позвала Цю Хуапин.

Бай Ван поднял глаза и увидел, что она смотрит на него. Он замер, внутри снова затеплилось знакомое чувство.

Хотя он знал, что она обращается к Инь Хуайсяню, ему почему-то показалось, что в ее взгляде скрыто нечто большее.

Бай Ван вздохнул. В прошлой жизни их отношения с Цю Хуапин были как у родных брата и сестры. Девушки всегда мягкосердечны, а Цю Хуапин, будучи старшей ученицей, всегда должна была сохранять невозмутимость и спокойствие.

Это так утомительно.

Хорошо, что рядом с Бай Ваном она могла позволить себе быть беззаботной младшей сестрой.

Но в конце, глядя на нее, ослепшую и истекающую кровью, Бай Ван впервые возненавидел ее за эту силу духа.

Ведь ей достаточно было просто оставаться беззаботной младшей сестрой.

— Как тебя зовут? — вопрос Цю Хуапин вернул Бай Вана из его мыслей.

— Бай Ван, — улыбнулся он.

— Бай Ван, — повторила она, а затем, прищурив глаза, добавила: — Меня зовут Цю Хуапин, можешь называть меня старшей сестрой Цю.

— А я могу называть тебя младшей сестрой? — поддразнил он.

Цю Хуапин заметно растерялась, но потом рассмеялась:

— Нет, так может называть меня только старший брат, если только...

Она не договорила и осеклась.

Бай Ван подумал: «Если только что? Неужели если я стану спутником Инь Хуайсяня?»

По статусу, пожалуй, так бы оно и вышло.

Стоп! О чем я вообще думаю?!

— Старший брат, наставники ждут тебя и господина Бая, поторопитесь, — Цю Хуапин повернулась к Инь Хуайсяню, ее лицо мгновенно стало строгим.

— Хорошо, — кивнул Инь Хуайсянь и сказал Бай Вану: — Пойдем.

— Куда... куда пойдем? — опешил Бай Ван.

— К трем наставникам.

Что?! Нет, подожди, это же бред!

— К трем наставникам?! — чуть не вскрикнул Бай Ван. — Ты шутишь? Как они могут принять меня? Я даже не послушник, я только пришел, и сразу к наставникам? Это невозможно, ты что-то перепутал! Так не бывает!

— Все верно, пойдем, — Инь Хуайсянь, кажется, едва заметно вздохнул и, взяв Бай Вана за запястье, потянул за собой.

— Эй? Ты уверен? Что происходит? Секта Цинсюй Цзюсяо сменила правила? А как же обязательное обучение в качестве послушника? Наставникам что, делать нечего, кроме как встречаться со мной? Разве они не любят прятаться от всех? Разве их можно увидеть чаще, чем раз в сто лет? — недоуменные вопросы Бай Вана затихали по мере того, как они удалялись.

Цю Хуапин стояла, глядя им вслед. Ее глаза покраснели. Она долго смотрела на удаляющуюся фигуру Бай Вана, и когда заговорила, в ее голосе слышались только тоска и радость:

— Старший брат, он нашел тебя. Старший брат, ты наконец-то вернулся.

— Старший брат.